

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5106451>

Сладкий сон

Направленность: Слэш

Автор: [Kat_Trisha](https://ficbook.net/authors/6995) (<https://ficbook.net/authors/6995>)

Фэндом: Фрай Макс «Лабиринты Ехо; Хроники Ехо; Сновидения Ехо»

Пейринг или персонажи: Шурф/Макс; Джуффин/Лойсо; Лойсо/Макс; Шурф/Мелифаро; Анчифа/Макс; Малдо/Иш

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Юмор, Hurt/comfort, AU, ER (Established Relationship), Учебные заведения, Дружба

Предупреждения: OOC, **Насилие**, **Элементы гета**

Размер: Драбл, 17 страниц

Кол-во частей: 8

Статус: закончен

Описание:

Сборник драбблов по разным парам.

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

ТОС

ТОС	2
Глаза выдают вас // ШурфМакс	3
Примечание к части	6
Спасти мир // ДжуффинЛойсо	7
Примечание к части	9
Кино, вино и амобилер // ЛойсоМакс	10
Сон в летнюю ночь // ШурфМелифаро	12
Примечание к части	13
Сон для Смерти // АнчифаМакс	14
Примечание к части	15
Кофе // ШурфоМакс	16
Примечание к части	17
Утро // ШурфоМел	18
Примечание к части	18
Новогоднее наваждение // МалдоИш	19

Глаза выдают вас // ШурфМакс

Макс всегда жалел, что не мог путешествовать во времени. И, хотя его нынешняя жизнь изобиловала приключениями, прекрасными дамами и, периодически, страшными злодеями, рассказы о Смутных временах бередили душу. Он уже много узнал о себе и понимал, что мечты о несбывшемся надо душить на корню, особенно такие опасные и привлекательные. А то так и до нового переворота недалеко, и за это его по головке точно не погладят. Если останется, кому гладить, конечно. Правда, коллеги были готовы чуть ли не в очередь вставать, только бы убедить Макса, как хорошо живется сейчас, и как страшно было в Смутные Времена. И как они рады, что все кончилось. Но.

Но затаенная скука, раздражение и усталость в темной глубине глаз сэра Кофы и Джуффина. Но романтический флер в словах и озорной блеск в глазах Мелифаро и леди Меламори, юных, никогда не видевших власти других Орденов. Всё это выдавало с головой, не позволяя Максиму до конца поверить им и отбросить навязчивую идею.

И только глаза Шурфа Лонли-Локли были непроницаемы. Он рассказывал в своей обычной манере, ясно и четко, словно отсчитывая звонкие золотые монеты на блюдо победителя, удостоившегося чести услышать его рассказ. Макс безумно дорожил этими историями, но не мог прочувствовать отношение Шурфа к событиям, так ни разу и не сумел представить себя рядом. И это ещё больше заставляло его желать, хотя бы одним глазком, посмотреть на таинственные Смутные Времена.

Макс с Шурфом сидели в Трехрогой Луне. До новолуния ещё далеко, так что народу было не много. Макс смутно помнил, как он здесь оказался, потому что он точно собирался домой, спать. Видимо, он физически не мог отказать этому потрясающему парню и готов нестись к нему хоть на край света. Даже во сне.

— Ты ведь так и не избавился от желания увидеть Смутные Времена? — Шурф смотрит строго, но Макс ему почему-то не верит.

— Увы, — вместо этого он пожимает плечами и почти виновато улыбается, — вы, ребята, слишком хорошо рассказываете и слишком плохо убеждаете.

— Тогда, возможно, ты не будешь против небольшой прогулки? — в полумраке трактира лицо Шурфа кажется хитрым и загадочным.

— Когда это я отказывался прогуляться, тем более в твоём обществе? — Макс доволен, вечер становился всё интереснее.

Шурф взял Макса за руку и поднялся, утягивая его за собой. Сердце Вершителя забило как сумасшедшее, а перед глазами поплыл туман, словно все посетители трактира принялись одновременно раскуривать трубки. Лонли-Локли нахмурился и сердито зыркнул куда-то в потолок. Когда реальность пришла в себя, Макс покорно проследовал за Шурфом, не задавая вопросов. Пока.

На секунду притормозив у выхода, Шурф глубоко вдохнул и с силой толкнул сине-зеленую дверь. В глаза им ударил яркий солнечный свет. Что было странно, потому что, когда они пришли в Трехрогую Луну был вечер, определенно.

Когда зрение Макса восстановилось, он смог, наконец, оглядеться. Они все ещё были в

Его, но что-то необъяснимым образом смущало Макса. Мимо Сыщиков быстро прошли две женщины, стараясь не поднимать лицо. Это настораживало. Макс заметил заколоченные двери тракторов, бумажный мусор на улицах, закрытые ставни на окнах... И тишина. Тогда он понял — настроение. Вот чего не хватало его возлюбленному городу, той привычной пьянящей легкости, которая когда-то приворожила Макса, навечно захватив его сердце.

Макс дернулся, понимая, что Шурф все ещё держит его за руку, и попытался освободиться. Но Лонли-Локли посмотрел на него с выражением лица «так надо» и Макс перестал вырываться.

Вдруг, из единственного работающего трактора вылетел барный стул. Оглушительным звоном рассыпалось по мостовой толстое дымчатое оконное стекло, рама жалобно раскачивалась на одной петле. Следом за стулом выбежал тракторщик, прикрывая голову руками. Вопрос уже был готов сорваться с языка, но Макс захлопнул рот и во все глаза уставился на парящего над землей юношу. Чтобы узнать в этом безумном белобрысом парне своего друга, Макс пришлось хорошенько поднапрячься и включить воображение на полную.

А Безумный Рыбник не терял времени. В хищном жесте подняв руки, он навис над перепуганным тракторщиком. Волосы его вели себя вопреки любым законам гравитации, танцуя на невидимом ветру, словно пламя костра. Макс вынужден был признать, выглядело довольно угрожающе.

— Ты показываешь мне свое прошлое, вместо того чтобы рассказывать? — полу утвердительно спросил Макс, не сводя глаз со сценки.

Та, тем временем, продолжалась. Рыбник уже тянул длинные тонкие пальцы к шее тракторщика с явным намерением её сломать.

— Столько, сколько смогу вспомнить. И, сам понимаешь, самые постыдные и кровавые моменты своей истории я не буду демонстрировать, боюсь, ты разочаруешься во мне. Шурф невидящим взором уставился на самого себя. Рыбник уже душил несчастного, когда тот начал плакать и молить о пощаде. Тогда Безумец брезгливо оттолкнул полуживое тело и, внезапно расхохотавшись, исчез.

— Не беспокойся, Шурф — Макс ободряюще сжал его ладонь. — Я же понимаю, где кончается Безумный Рыбник и начинается сэр Лонли-Локли. И где под всем этим прячешься ты.

— Пойдем, — Шурф благодарно посмотрел на него и толкнул намертво заколоченную дверь.

Они оказались внутри ювелирного магазина. Макс сразу же заметил Безумного Рыбника. С выражением наивысшего наслаждения на своем лице, тот одну за другой опустошал витрины и полки, выламывая из украшений драгоценные камни. Они мягко, как мёд, растекались по его рукам и впитывались в кожу. Глаза Рыбника горели диким огнем, переливаясь всеми цветами радуги, словно были самым восхитительным самоцветом во всех мирах.

Раздался короткий стон, разрушивший иллюзию. Макс смотрел как, с холодной

отстраненностью, Рыбник пнул лежащего на полу мужчину, чтобы тот замолчал. Со своего места Макс видел только рваную рану на его бедре и голову в крови. Инстинктивно, он сделал шаг вперед, желая помочь, но Шурф его удержал. — Ты ничего не можешь сделать для него. И я не могу, — лицо Шурфа было полно сожаления.

В молчании они толкнули дверь на улицу.

Потом было множество дверей, разных эпизодов, значительных и не очень. Рыбник постепенно приходил в себя, но безумства его не заканчивались. Среди потоков крови и вина мелькали женщины, сливаясь в одно расплывчатое пятно. Некоторых Безумный Рыбник убивал, кем-то брезговал, а с кем-то спал.

А ещё была Она. Сиильва. Огненно-рыжая копна её кудрей спускалась чуть ли не поясницы. Высокая и немного угловатая, она, тем не менее, очаровывала своей харизмой и безумными глазами, цвет которых определить не мог никто.

Рыбник первый раз увидел её в портовом кабаке и его планы на вечер резко изменились. Макс с удивлением наблюдал, как они почти по-человечески разговаривали, и язык их тел был куда красноречивее слов. Но вот в другом углу завязалась драка и девушка каким-то чудом ускользнула из лап Безумного Рыбника. В своем путешествии по прошлому Макс и Шурф видели её несколько раз, каждый раз оставляющей Рыбника ни с чем.

Пока в какой-то момент Сыщики не оказались в темной спальне, наполненной почти животными стонами, криками, рыком. А ещё запахом пота и крови. Как только зрение его привыкло к темноте, Макс увидел. Кровь мгновенно застучала в ушах, каждой клеточкой организма он чувствовал возбуждение, пропитывающее эту комнату. На кровати извивалась Сиильва, выгибая спину под неестественным углом, вскрикивая каждый раз, когда Безумный Рыбник до крови кусал её плечи. Рыбник с каким-то извращенным удовольствием вколачивался в податливое тело, губы его растягивались в кривой улыбке.

Через рукопожатие Макс почувствовал, как, помимо воли, подскочил пульс Шурфа. А затем он переплел их пальцы, начиная мягко поглаживать его ладонь и запястье. Только тогда Макс в полной мере осознал, что Шурф был без своих смертоносных перчаток. Было в этом что-то интимное и до боли возбуждающее.

В нарастающем напряжении они дождались окончания эпизода, но не ушли вслед за Рыбником и его пассивностью. А остались в этой пропитанной безумием и сексом комнате, пьянея от запаха. И Шурф, наконец, попробовал, каков же на вкус Вершитель, а Макс впервые в жизни рвал простыни от удовольствия.

Просыпается Макс в своей постели. Минуту он лежит в сладкой дреме, греясь под одеялом, а затем осознание произошедшего накрывает его, словно приливная волна. Резко подскочив, он начинает судорожно обследовать себя. Но никаких следов минувшей ночи нет. Неужели... сон? Всего лишь? Был только один верный способ узнать

правду, и тогда Макс, набравшись храбрости, посылает Зов сэру Шурфу. И очень боится услышать ответ.

«Шурф, скажи, мы вчера с тобой не встречались?»

«Прискорбно это говорить, но нет. Как и дюжину дней до этого.»

«Какое свинство с моей стороны!» — поняв, что это и правда был только сон, Макс веселится. — «Предлагаю исправить это сегодня же, если у тебя нет планов на вечер.»

«Дел у меня по горло, но ради такого случая я, думаю, смогу вырваться. В Трехрогой Луне?»

Вспомнив, как начался его сон, Макс нервно сглатывает, но соглашается.

Заняв столик в трактире, Макс заметно и неожиданно для себя нервничает. Спустя четверть часа к нему присоединяется Шурф, и Макс рассказывает ему свой сон.

— Как думаешь, это ведь было обыкновенное сновидение?

— Конечно, Макс, — уверенно отвечает Шурф, но Макс ему почему-то не верит.

— Тогда, возможно, ты не будешь против послушать истории про Смутные Времена? — в полумраке трактира лицо Шурфа кажется хитрым и загадочным, когда он мягко и осторожно берет Макса за руку.

— Нет, спасибо. Я думаю, у нас найдутся другие темы для разговоров, — Макс довольно улыбается, встречаясь глазами с Шурфом, а вечер становится всё интереснее.

Примечание к части

Заявка: Шурф, Макс, трактир, истории о смутных временах!

Интересно, хоть кто-нибудь понял отсылку к леди Мерелин? х)

Спасти мир // ДжуффинЛойсо

В зале совещаний стояла мертвая тишина. От Великого Сыщика (как он сам себя называл, а другие не спорили) столь явственно исходили волны ярости, что любой побоялся бы даже вздохнуть, дабы не навлечь на себя начальственный гнев. На большом экране пошла по второму кругу видеозапись. Убийство крупного политического деятеля, уже 23 за последние 3 года. Но это первая запись, которую им удалось достать.

Даже на таком расстоянии было видно, как хитро блестят светлые раскосые глаза преступника. Вот он посмотрел прямо в камеру и с улыбкой помахал рукой, прежде чем исчезнуть в темноте. Лойсо с треском сломал подлокотник своего кресла.

Они встретились лет 10 назад в баре, где Джуффин О'Халли играл в покер, на деньги естественно. И постоянно выигрывал. Никто не мог его уличить в обмане. Через неделю переглядок через стойку бара они с Лойсо познакомились. Слово за слово, как это бывает, выпили и провели вместе ночь. Лучшую в жизни обоих, если быть честными. А затем ещё одну. Так и повелось — у каждого своя жизнь, друзья, работа, но спали они только друг с другом. Да и разве существовали теперь другие? Просто не принимались в расчет.

Но три года назад Джуффин исчез.

И вот теперь такое предательство. Лойсо вынужден арестовать и посадить своего партнера. Но для начала они хорошенько поговорят, о да.

Лойсо распахнул дверь комнаты для допросов особо опасных преступников. Вся мебель была впаяна в пол, ни окон, ни зеркал. Вентиляция настолько маленькая, что сбежать могла бы разве что мышь. Дверной ручки изнутри тоже нет. Полная звукоизоляция. Из связи с внешним миром только камера на потолке, которая активируется по сигналу следователя.

С глухим стуком дверь за Сыщиком закрылась. Повернулся и щелкнул замок.

— Дорогой, я дома, — Джуффин улыбался, спокойно развалившись на жестком стуле.

Его руки надежно скованы наручниками, длинная цепь от которых несколько раз обернута вокруг ножек, продета через кольцо в полу и приходила в наручники на лодыжках. Но его это, похоже, совсем не смущало. А вот Лойсо сомневался, что сделал достаточно. Как оказалось, Джуффин был иллюзионистом и взломщиком столь высокого уровня, что суеверные могли бы счесть его колдуном. Лойсо не удивился даже, он-то знал, какие волшебные у Джуффина руки. От этого было только больнее.

— Тебе есть, что сказать в свое оправдание? — Лойсо почти прорычал.

— Ты прекрасно знаешь, что я не буду оправдываться. Да и какой смысл? Врать тебе? Увольте, я слишком люблю тебя, — усмехнулся Джуффин, зазвенела дрогнувшая цепь.

— А ты подготовился! Соскучился?

— Соскучился? Соскучился?! — Лойсо в ярости навис над ним, еле удерживая руки.

— Тебя не было три года, и тут я узнаю, что ты оставил меня, чтобы убивать политиков и видных деятелей! У нас третья мировая на носу, а ты пытаешься ввергнуть мир в ещё больший хаос? Кому, как ни тебе, знать, сколько усилий я приложил, чтобы спасти его.

Джуффин неудержимо расхохотался, выгибаясь на стуле. Лойсо невольно засмотрелся на красивое лицо и притягательно подставленную шею.

— Так вот как ты это видишь? — отсмеявшись, Джуффин спокойно смотрел на Лойсо.
— О, мой великолепный идиот, я пытаюсь спасти этот чёртов мир, чтобы ты там не думал.
— Объяснись.

И Джуффин говорил. Обо всех заговорах, тайных поставках боевикам и террористам, огромных лабораториях, разрабатывающих новейшее оружие. И тысячах других, больших и мелких, незаметных происшествий, только теперь сложившихся в мозгу Лойсо в цельную картину. Он тяжело упал на стул.

— Но ты ведь мог бы мне всё рассказать? — Лойсо схватился за голову, прикрыв глаза.

— Не мог, — голос Джуффина звучал так привычно и уверенно, — ты ведь служитель закона. Ты бы захотел их посадить, чтобы все было правильно. И ничего не изменилось бы. А я что? Я лис, плут, шулер. Действовал, как умел. Но этот был последним, остальные не так важны. И я дал тебе поймать себя.

— Ты понимаешь, что я должен тебя посадить, — Лойсо даже не спрашивал, он утверждал.

— Конечно. Поэтому, не будем терять времени, — Джуффин незаметно ерзал на стуле.

И только теперь Лойсо понял, что, хотя наручники все ещё были на нем, цепь больше не приковывала Джуффина к полу. Он смог подняться, с удовольствием потянувшись. Лойсо уже собирался активировать камеру, когда Джуффин сделал к нему шаг, но тот внезапно опустился на колени между ног Лойсо. Цепь натянулась, заставляя Джуффина отвести руки назад, почти сведя лопатки вместе — Лойсо заметил, как напряглись мускулы под темной футболкой.

— А я скучал, — Джуффин наградил его первым серьезным взглядом за последние несколько часов, и зубами расстегнул ширинку на форменных джинсах. Лойсо откинулся на стуле, запустив руку в волосы Джуффина.

Лойсо проснулся в холодном поту, тяжело дыша. Рядом заворочался Джуффин.

— Что случилось? — сонно спросил он.

— Мне приснился натуральный кошмар! Грешные Магистры! И я ничего не мог с ним поделать, словно никогда не учился управлять сновидениями! — возмутился Лойсо.

— Расскажешь?

— Я пытался спасти мир, дырку над всем в небе! Нет, ты представляешь, я! И спасаю мир?!

— Ага, знаю, — Джуффин хитро улыбался, зарывшись лицом в подушку, и смотрел на Лойсо. — Я там был. Ты выглядел просто очаровательно.

— И не разбудил меня? Ты напрашиваешься на хорошую драку, Кеттариец.

— Да, — Джуффин был невозмутим. — Но может лучше продолжим с того момента, где ты нас прервал?

Резким движением Джуффин подмял Лойсо под себя, до крови кусая плечо, целуя шею, и начал спускаться ниже. Лойсо откинулся на подушки, запустив руку в волосы Джуффина.

Примечание к части

Заявка: Лойсо, Джуффин, альтернативная вселенная, детектив, наручники.

Примечание к части Заявка: Лойсо, Макс, заднее сиденье амобилера, кинотеатр под открытым небом!

Варнинг: попытка то ли в стеб, то ли в юмор. Не ищите тут канона, если не готовы посмеяться, лучше не читать) ООС и прочие плюшки прилагаются

Кино, вино и амобилер // ЛойсоМакс

К этому вечеру я готовился целый день. Окунулся во все свои бассейны, использовал все порошочки и бальзамы, которые только нашел — совершенно не представляя их назначения, но раз стоят на полке, значит нужны.

Затем надел лучшее туланское лоохи из тончайшей шерсти и, о ужас, даже причесался. От последнего рокового шага меня удержала только врождённая настороженность к косметике. А всё потому, что у нас с Лойсо свидание. Ну, как я его себе представлял, ибо душа моя требовала романтики в этот весенний вечер.

Засунув руки под диван, я залез в Щель между Мирами и вытащил большую коробку. Сидевшие на том же самом диване сестрички проводили загадочный ящик круглыми от удивления глазами, но ничего не спросили.

Спрятав ящик в пригоршню, а еду и несколько пледов в амобилер, я погнал за город. В какой-то момент Лойсо просто обнаружился на соседнем сиденье.

— Макс, куда мы едем?

— Сюрприз, — я довольно улыбнулся.

Поплутав ещё четверть часа по лесам, амобилер наконец выехал на поляну. С самым заговорщическим видом я встряхнул рукой. Лойсо чуть насмешливым взглядом наблюдал за моими попытками его впечатлить. Но вот я открыл ящик и довольная улыбка исчезла с моего лица.

— Черт, я идиот!

— Ну, это конечно не новость, — усмехнулся Лойсо, — что случилось?

— Я полотно забыл, — я жалобно посмотрел на него, — чтобы кино тебе показать...

— Ты колдун или кто? — Лойсо закатил глаза и щелкнул пальцами. Тут же, закрывая собой половину звезд, на небе появилась огромная простынь. — Достаточно тебе?

Я кивнул, продолжив приготовления. Но вот наконец-то все было готово и мы с Лойсо забрались в амобилер. Открыли бутылочку вина. Я вспомнил, что все-таки маг, Смерть на Королевской службе и далее по списку, и проделал недавно разученный трюк, наколдовав маленькие светящиеся шары, повисшие в воздухе, как светлячки. Зашуршал проектор, кино началось.

Спустя полчаса Лойсо зевнул и широко потянулся, в результате чего его рука оказалась на моем плече. Я был не против, даже устроился поближе.

Пальцы Лойсо начали легко поглаживать мою шею, задевая чувствительную точку за ухом. А другая рука, незамеченная, тем временем подбиралась к моей коленке.

Почувствовав ладонь на своем бедре, я вздрогнул и, попытавшись увернуться, посмотрел на Лойсо.

— А как же кино? Тебе не интересно?

— Да к Магистрам его! Ты сводишь меня с ума, Макс... — Лойсо перешел в наступление и прижал меня к сиденью амобилера, навалившись всем телом. — А мне уже давно не 80 лет, если ты забыл. Я привык брать то, что мне хочется.

Лойсо начал терзать мою шею медленными, но довольно настойчивыми поцелуями, задирая скабу всё выше.

— Нет-нет-нет! Ты все испортишь! — я попытался вырваться.

— Что испорчу? — Лойсо недоуменно посмотрел на меня.

— Это должен быть романтический вечер, а не «давай перепихнемся в амобилере», — я зло одернул свою скабу и скрестил руки на груди.

— Макс, мы же не виделись магистры знают сколько, а ты мне предлагаешь просто за ручки подержаться?! — взорвался Лойсо.

Минут пять мы сидели в молчании. Затем Лойсо выдохнул и сделал легкое движение правой рукой. Я бросил заинтересованный взгляд в его сторону.

— Это когда-то было моим, — на раскрытой ладони он протянул мне красивый перстень, — ты будешь его носить?

— О, Лойсо, конечно! — я практически прыгнул к нему на колени, опрокидывая вино, и начал страстно целовать...

Макс резко проснулся. Он был в своей старой квартире на улице Старых Монеток. На экране телевизора как раз заканчивали петь финальную песню герои фильма «Бриолин», который Макс решил посмотреть от скуки.

— Ну и приснится же такое... — схватившись за голову, пробормотал он. — Всё, больше никаких мюзиклов.

Сон в летнюю ночь // ШурфМелифаро

Шурф и Мелифаро живут в одной комнате студенческого общежития.

Летняя сессия — тяжелое испытание. Мелифаро никак не может организовать, пытается успеть все и сразу, а в итоге не успевает ничего. Кисти валяются из рук, билеты, выпрошенные у одногруппницы, пропадают под кроватью, так и не выученные.

А на работы Шурфа смотрят, качая головой. Все замечательно, технично, четко, но... Без души.

В какой-то момент они просто понимают, что не справятся в одиночку. Когда экзамены кончаются, успешно, они разговаривают всю ночь. И засыпают на ковре в объятьях друг друга, в первый раз.

Над кроватью Шурфа Лонли-Локли висит старинная карта мира, Дюрер и Рерих, немного Эшера. Полка с любимыми книгами. Одна-единственная старая фотография матери. Рабочие материалы у него, конечно, тоже в идеальном порядке.

— Расскажи мне о ней? О своей маме?

Шурф вздыхает. Они лежат на его кровати. Сессия закончилась и у них наконец-то есть время просто отдохнуть, обнявшись, пока летний ночной ветер овеивает разгоряченные тела.

— Я не знал её, — он хмурится, пытаюсь вспомнить хоть что-то. — Она оставила нас с отцом из-за работы, а потом пропала. Она была очень талантлива, и так горела своей работой, что ничто не могло её остановить. Даже я.

— Если бы она узнала тебя, ни за что бы не оставила. Я бы не смог, — Мелифаро крепче обнимает его.

Шурф только незаметно усмехается, целуя Мелифаро в макушку. А на следующий день на его стене появляется одна-единственная фотография.

Стена над кроватью Мелифаро завешана рисунками его друзей, набросками, скетчами, Моне соседствовал с Дали. Черно-белые фотографии на булавках, яркая гирлянда, несколько отпечатков от испачканных в краске ладоней. На кровати бардак, а под ней свалены в кучу старые холсты и банки от краски.

Во время летней сессии на третьем, кажется, курсе, Мелифаро пишет очередной натюрморт. Спина затекла, да и вообще не понятно, как с такой жаждой деятельности ему удастся заканчивать свои работы. За окном разгорается закат, а Шурф сосредоточенно готовит конспекты за столом. В порыве озорства Мелифаро берет мокрую кисточку и проводит ей по шее, за ухом Шурфа. Тот вздрагивает, выронив ручку. Медленно оборачивается. Мелифаро старается сохранить невозмутимый вид, но улыбку не сдержать. Лонли-Локли подходит ближе и внезапно втягивает наглого возмутителя спокойствия в долгий поцелуй. Скользя руками по спине, задирает рубашку, безнадежно испачканную в краске. Не прекращая целоваться, они падают на кровать. Шурф смахивает с кровати палитру, другой переворачивая Мелифаро спиной к себе. И потом, прижимаясь к друг другу, двигаясь в едином ритме, они оставляют на стене красочные отпечатки своих рук.

Шурф и Мелифаро живут в одной комнате студенческого общежития.

Примечание к части

Заявка: Шурф, Мелифаро, альтернативная реальность, где оба героя - художники.

Сон для Смерти // АнчифаМакс

Втроем мы медленно проплываем под ярким светом угуландских звезд: я, Анчифа и Фило. Спиной я ощущаю теплую шершавую палубу, а щекой — мягкие рыжие волосы. И так мне правильно и уютно в эту ночь, что я ни за что бы не сдвинулся с места, даже если бы мог.

Время от времени мы передаем друг другу пряное укумбийское. Фило, конечно, тоже достается. Анчифа так машет руками, рассказывая мне легенду про очередное созвездие, а я невольно удивляюсь, как бутылка ещё не опустела окончательно — пиратская магия.

Впрочем, я уже настолько пьян, что, не то что считать бутылки, даже сфокусироваться на небе мне крайне тяжело, и я просто слушаю голос пирата.

— ...и вот одной древней колдунье, а может вообще богине, приснился сон... — Анчифа внезапно прекращает рассказ и тяжело вздыхает.

— Почему ты замолчал? — я стараюсь извернуться так, чтобы посмотреть на него.

— А мне больше не снятся сны, вообще — Анчифа невидящим взглядом смотрит в небо, — с тех пор как Леди наградила меня своим даром...

И он умолкает.

Сделав над собой невероятное усилие, я приподнимаюсь на локте.

— Ты скучаешь по снам? — язык не очень хорошо меня слушается, но я стараюсь.

— Ну, а как ты думаешь, Макс? — пират горько смотрит мне прямо в глаза, а в моей голове тут же рождается гениальный, как мне кажется, план.

Засунув руку под лоохи, я вытаскиваю на свет старую подушку. Прямо как когда-то дома, мимолетно удивляюсь я.

— Ложись, — я гостеприимно хлопаю ладонью по подушке.

— Что ты задумал? — с интересом спрашивает Анчифа.

— Увидишь, — я довольно улыбаюсь, укладываясь рядом. — Шурф, конечно, не объяснял тогда, что он делал, но я думаю, у меня получится...

Уснуть не составляет особого труда, столько в нас вина. Мы начинаем путешествие с Города в Горах. А сев в кабинку канатной дороги, я не могу удержаться от пафосного жеста и спрашиваю:

— Что ты хочешь увидеть?

Глаза Анчифы разгорелись азартом, а на тонком лице пирата появилась улыбка.

Пару часов и несколько вечностей спустя мы проснулись, все ещё немного пьяные, непонятно только, от снов или от вина.

— Спасибо, Макс, — Анчифа первым нарушает молчание. — Это лучший подарок в моей жизни.

Я просто молчу.

— Скоро рассвет. Пойдем, — Анчифа встает и помогает мне подняться.

Медленно мы ступаем по качающейся палубе. На ступеньке моя левая нога предает меня и я уже вижу, как красиво растянусь на темных досках. Но за талию меня хватает сильная рука, прижимая к себе, удерживает на месте.

— Осторожнее, Макс, — шепчет мне на ухо Анчифа.

В его голосе появились какие-то новые, неведомые и вместе с тем знакомые нотки, которые заставили меня резко обернуться.

Глазами Анчифы на меня смотрит Серая Леди. Похоже, этой выходкой я привлек её внимание... Вершитель для неё — лакомый кусочек, но она не может меня достать, Меч надежно охраняет своего хозяина. Зато Анчифа может.

Но... в его темных глазах нет ничего, кроме его томного желания и влюбленности Смерти. От его пронзительного взгляда по моей спине пробегает холодок, но всего меня тут же бросает в жар. В эту ночь я рад, что Анчифа может меня коснуться.

Примечание к части

Заявка: пейринг на ваш выбор, тема "разделенный сон"

Кофе // ШурфоМакс

Я, если так можно выразиться, писатель поневоле. Хотел в своё время стать фотографом, да вот учитель толковый не попался. Но я всё равно упрямо щёлкал затвором, раз за разом получая сносные картинки. Вот именно, сносные. Не было в них чего-то особенного, а душа моя требовала волшебства.

Зато мои сны были полны им. Все эти картины *будто моего* прошлого, волшебные и пугающие одновременно, приходили ко мне во снах. Прекрасные женщины, в которых я влюблялся до беспамятства, а проснувшись, даже не мог вспомнить лиц. Смертельные враги и настоящая дружба, чудеса и истинная любовь.

Образы начали преследовать меня во сне и наяву, мельтешили в голове, постоянный гул голосов и чей-то смех в ушах, откуда-то привязавшийся стишок про ворону... И никуда было не скрыться, некуда спрятаться. А расставаться со своей головой я пока не собирался, да и зачем, вполне симпатичная голова. Девушки на улицах вроде не пугаются, и то хлеб. Правда, работать я не мог.

Вот тогда-то я и обнаружил, что, записанный на бумаге, эпизод, особенно яркий в этот день, отступал, уходил, как накормленный бездомный пёс. Я снова начал фотографировать, и, хотя карточки выходили всё хуже, а голова болела всё сильнее, я упорно продолжал.

К счастью, мне вовремя попало на глаза цитата Сенеки: «Покорных рок ведёт, влечёт строптивного», а то закончил бы я в дурке. В итоге, взяв себя в руки, я выдохнул и перестал упрячиться. Как оказалось, не зря — писательство было единственным способом спастись от подступающего безумия. Постепенно я втянулся и даже начал получать от этого настоящее удовольствие. Образы сложились в осмысленные истории, а я решил, что можно показать их миру.

К выбору издательства я подошел со всей серьезностью — нарезал гору бумажек с названиями, перемешал и вытащил первое попавшееся. Отличный способ, рекомендую. Достался мне издательский дом «Харон». Кое-как отсмеявшись, трясущимися руками я набрал указанный номер и договорился с Александром о встрече. Голос на том конце был бесконечно спокойный, уверенный, и почему-то такой до боли знакомый, что я тут же успокоился.

Через две недели симпатичная девушка провела меня в кабинет, где я, наконец, встретился с обладателем заворожившего меня голоса. По правде, все две недели я только и думал, каким на самом деле окажется мой будущий визави. И он меня ничуть не разочаровал: высокий, это я мог понять по тому, как он сидел в кресле, стройный, темные волосы забраны в строгий хвост. О боги, Александр, к тому же, был просто молодой копией знаменитого Чарли Уоттса. Когда я зашел, его лицо осталось спокойным, зато в глазах промчалась целая буря эмоций: безразличие, недоверие, что-то вроде узнавания, сомнение.

— Присаживайтесь, Максим, — взяв себя в руки, он указал на кресло.

— Спасибо, — я почему-то не мог не улыбаться, — можно просто Макс, если вас не затруднит.

— Хорошо, — он приподнял одну бровь, — итак, Макс, приступим.

Несколько часов спустя все детали были обговорены, договор, можно сказать, у меня в кармане, а я упорно пытался выдумать предлог, чтобы задержаться ещё на чуть-чуть. Предлог не выдумывался, пришлось собираться. Я уже взялся за ручку двери, когда меня остановили.

— Подождите, Макс.

Я обернулся, вопросительно глядя на Александра.

— Я понимаю, что я это прозвучит странно, — он слегка замялся, придумывая формулировку, — но вы кажетесь мне безумно знакомым. Словно я знал вас всю жизнь, а потом забыл. Я будто пытаюсь вспомнить давно приснившийся сон...

— Кофе? — я улыбнулся.

— Что? — он удивленно посмотрел на меня.

— Вы. Я. Кофейня за углом. Отличная, могу сказать, а какие там пышки! — я мечтательно прикрыл глаза, а открыв, поймал его недоверчивый взгляд. — Бросьте, это просто кофе. Вы же не боитесь меня, Александр?

— Можно просто Шурф, — он еле заметно улыбнулся мне, доставая из шкафа пальто.

Примечание к части

Заявка: Шурф, Макс, альтернативная вселенная, книжное издательство.

Не спрашивайте, как я дошла от Александра до Шурфа. Логическая цепочка была, но я её забыла.

Утро // ШурфоМел

Смутные Времена, а затем долгие годы на Королевской Службе не могли не оставить свой отпечаток на Шурфе Лонли-Лонки. О нет, он не боялся, но всегда был настороже. Его мог разбудить любой шорох, дуновение ветра из открытого окна, скользнувшая по лицу тень...

Когда они с Мелифаро только привыкали друг к другу и своим чувствам, Шурф не переставал удивляться тому, как крепко и спокойно тот спит рядом с ним.

— А кого мне бояться? Я и так в постели со страшным кошмаром всех Темных Магистров. И городских лавочников, — ехидно отшучивался Мелифаро, обнимая подушку.

Потом Шурф оставил вопросы на эту тему. А постепенно и сам стал снижать бдительность, начиная доверять.

И однажды поплатился за это.

Темными хлопьями пепел медленно оседал на белоснежное покрывало и волосы Шурфа, отчего они казались седыми.

Под порывами речного ветра хлопали ставни.

За окном разгорался алый рассвет, принося с собой новый день.

— Ну и что это было? — слишком устало для только что проснувшегося человека спросил Шурф, смахивая пепел с кончика носа.

Мелифаро безуспешно пытался выбраться из одеяла, о которое и споткнулся буквально минуту назад. Перестав трепыхаться, он постарался изогнуться так, чтобы смотреть Шурфу в лицо.

— Эм... Завтрак в постель? — лучезарно улыбнулся Мелифаро.

Примечание к части

Заявка: Шурф, Мелифаро, завтрак в постель.

Примечание к части С Новым Годом, дорогие!

Новогоднее наваждение // МалдоИш

— Малдо, куда мы идем? — Иш спрашивает, потому что больше не может терпеть. Ему ясно, что они направляются во Дворец Ста Чудес, но что ждет там? Последнюю дюжину дней архитектор отмалчивался, лишь хитро улыбаясь. Иш хотела даже обидеться, но потом передумал. Это оказалось неинтересно.

— Подожди ещё чуть-чуть. Это подарок. Да ещё какой! — Малдо явно доволен собой, у него почти получалось идти и подпрыгивать одновременно. — Я еле уговорил Макса поделиться со мной этим воспоминанием.

Теперь Иш бежала вперед, утягивая за собой Малдо, чуть не потерявшего шляпу. Воспоминание от Макса! Это должно быть что-то необычное!

Малдо хотел сделать все торжественно и красиво, а вместо этого они ввалились в комнату, хохоча, как тридцатилетние.

...и вот они совсем ещё дети. Взявшись за руки, они бродят по рождественской ярмарке, и их удивляет каждая мелочь. Лоток с имбирными пряниками и карамельными петушками, которые блестят в свете гирлянд, как настоящие драгоценности. И когда один попадает им в руки, нет большей ценности.

Начинает идти снег. У палатки кукольника они смотрят настоящее представление — мастер хочет показать свой товар во всей красе, а потому придумал веселую сценку. Они смеются и идут дальше.

Откуда-то пахнет дымом и специями — это, конечно же, палатка пекаря, продающего свежие крендельки и плюшки. Для детей здесь есть чай и горячий шоколад, а для их родителей — глинтвейн. Они уже достаточно взрослые, так что им дают попробовать. Вино обжигает язык, а аромат пряностей кружит голову.

Счастливые, не помнящие себя, они добираются до центра площади, где стоит огромная елка, манящая к себе свечами и цветастыми игрушками. Так и хочется незаметно положить одну в карман, но они не решаются. Слишком красиво.

На огромной башне бьют часы, и они прижимаются друг к другу, стараясь выдержать такой поток впечатлений. На смоляном небе вспыхивают яркие огненные птицы, раскрываются неземные цветы и дождем света проливаются на землю...

Наваждение истаивает с последним ударом часов.

Иш не может отдышаться, не может вспомнить, кто они сейчас. Знает только, что руку Малдо он не отпустит. Только не когда тот прижимает Иш к себе, нежно целуя в щеку. А несуществующий снег тает в их волосах.